

Из книги: Робин Нилланс. Генералы Великой войны. Западный фронт 1914 — 1918. М., Астрель—АСТ, 2005. Глава 1 «Генералы вступают в бой. Август 1914». Стр. 101 — 144.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ПРЕДЫСТОРИЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, 1871-1914

В Европе весна и лето 1914 года были отмечены исключительным спокойствием...

Уинстон Черчилль, 1922 год

Это история о двадцати четырех мужчинах, которые во время Первой мировой войны 1914–1918 годов занимали высокие посты в командовании британской армии. Это генералы, командовавшие корпусами и армиями на Западном фронте и несшие в силу этого обстоятельства главную ответственность за проведение и управление сражениями на этом театре военных действий. Подавляющее число военачальников, о которых рассказывает эта книга, - англичане.

Случилось так, что за последнюю половину столетия широкое общественное мнение, и в особенности в Великобритании, стало считать этих генералов, и в особенности британских генералов, группой безграмотных и бездушных кавалерийских офицеров из аристократических кругов, которые всю войну отсиживались в замках-шато на большом удалении от передовой и посылали на смерть в окопах миллионы храбрых молодых людей, причиняя тем самым такой урон, от которого британская нация так и не в силах полностью оправиться.

Данная книга не является историей Первой мировой войны или жизнеописанием военачальников, которые участвовали в ней, хотя в ней и содержится множество элементов как одного, так и другого. Единственной целью этой книги является *анализ сложившегося представления, что эти военачальники были безграмотными и бездушными, и проверка, насколько оно соответствует действительности*. Книга не ставит своей задачей обелить репутацию генералов, что-то доказать или преследовать какие-то иные цели; вместо этого она пытается взглянуть на ту войну глазами людей, которые несли ответственность за ее сражения, и посмотреть, насколько честно или даже справедливо относятся к ним последующие поколения. Она не является попыткой детального восстановления событий Первой мировой войны или разбора каждого сражения, хотя, чтобы яснее представить себе, с чем пришлось столкнуться генералам, пришлось вникать в большое количество деталей.

Здесь важно добавить, что в среде военных историков и военных экспертов, а эти две категории не всегда представляют собой одно и то же, общепринятое суждение о том, что генералы Первой мировой были безграмотными и бездушными, не является широко распространенным. Несколько лет назад Джон Террейн выступил в защиту британских генералов, что было встречено историками враждебно. Однако с годами его точка зрения получила более широкое признание - по мере смягчения до некоторой степени мнения осведомленной исторической общественности. На сегодняшний день наиболее общее мнение, во всяком случае тех, кто достаточно подробно изучал историю Первой мировой войны, сводится к тому, что, хотя некоторые генералы действительно не умели управлять войсками и в массе своей генералитет был просто набором посредственностей, кое-какие из них являлись великолепными военачальниками. Согласно подобному мнению генералы в целом по крайней мере соответствовали стоящим перед ними задачам, и всем им пришлось столкнуться с такой ситуацией на Западном фронте, которая привела к позиционной войне на изнурение противника, в силу чего неизбежными стали огромные потери, связанные с подобными войнами.

Справедливо будет отметить, что далеко не вся историческая общественность готова согласиться с подобным мнением. Генералы по-прежнему находятся под огнем критики, ведущимся с многих направлений, и современные историки из стран, бывших колониями Британской империи, в особенности из Австралии и из Канады, в наибольшей степени склонны критиковать британское командование, делая сравнения не в пользу последнего

с командованием из своих стран. Вопрос, почему они с таким желанием предаются этому занятию, остается открытым, но Дональд Грейвз, который в течение десяти лет был штатным историком в Управлении истории Департамента национальной обороны в Оттаве, выдвигает следующие аргументы:

"Что же касается того, что вы называете "обличение убийц колонистов", тут все зависит от вашей точки зрения. Правда в том, что из-за бездарного английского командования мы на Западном фронте потеряли множество прекрасных мужчин, и это объясняет, почему Карри и Монаш были убеждены, что, если бы их солдаты шли в бой под их командованием, они бы сделали все, чтобы дать парням шанс выжить. Подобное отношение не выглядит характерным для генералов Великобритании... в особенности для Хейга. Если презрительное отношение к безграмотному командованию и желание свести к минимуму ненужные потери считается "обличением убийц колонистов", что же, пусть будет так" (письмо к автору настоящей книги, май 1997 года).

Дональд Грейвз оказал мне очень большую помощь в работе над этой книгой, и его мнение заслуживает особого внимания. Тем не менее, как я уже сказал ему об этом в Оттаве, мне трудно себе представить, что любой, даже английский генерал просыпается поутру и, не вставая с кровати, первым делом записывает себе в ежедневник: "Не забыть: сегодня должно быть убито 20 000 наших парней".

Однако даже в доминионах общественное мнение склоняется к тому, что в целом британское командование не заслужило той низкой оценки, которая была вынесена ему. Прошло уже восемьдесят лет с тех пор, как на Западном фронте умолкли пушки, и, наверное, пришло время относиться к генералитету тех времен немного милосерднее и с большим пониманием.

"Мне представляется главным то, что вы рассматриваете этих генералов не по отдельности, а как некую группу. Чего хорошего в том, чтобы снять обвинения в некомпетентности с одного или двух военачальников; в любом случае общественное мнение всегда делало это, например, в отношении Плюмера, Монаша, Карри или Роулинсона. Данное обвинение выдвинуто против военного руководства в целом, и переоценку деятельности нужно проводить именно в отношении командования в целом" (Доктор Дж. Борн, исторический факультет Бирмингемского университета; переписка с автором). Можно говорить о том, что если сосредоточить все внимание на британском генералитете, это приведет к развитию одностороннего взгляда на проблему, однако сказанное выше справедливо и для всей армии Великобритании на Западном фронте. Вплоть до середины 1916 года части Великобритании не были "основными игроками" Первой мировой войны, и этот конфликт "не следует рассматривать как сражение Кавалерийского клуба на фронте протяженностью 80–90 миль (примерно 130–145 км) от Пикардии до Фландрии" (Дж. Хасси, письмо к автору, июнь 1997 года). Существует определенная тенденция, в особенности характерная для англичан, - рассматривать действия генералов Великобритании как исключительно преступные. Тогда как на самом деле подобные проблемы существовали для всех генералов во всех армиях, и они приводили к аналогичным и зачастую равным по своему значению результатам.

Но если в настоящее время те, кто достаточно подробно изучал данную тему, в меньшей степени склонны обвинять генералов в некомпетентности, как я уже говорил, общественное мнение в Великобритании, Австралии, Канаде и кое-где еще по-прежнему думает иначе. Подобные настроения в обществе поощряются писателями, которые искренне верят, что генералы той войны действительно были как безграмотными, так и бездушными. Или же общество склоняет к подобному убеждению бесконечный поток статей, телевизионных документальных передач, фильмов, а также книг, написанных менее осведомленными или совершенно невежественными авторами. Эту же цель преследуют в бывших доминионах и шовинистически настроенные обличители "убийц колонистов", которые рады нажить капитал и распространяют подобную литературу, спекулируя на текущих политических проблемах или же поддаваясь политическому давлению сторонников республиканской формы правления. Никто не сомневается: многое делалось неверно на Западном фронте, и ошибки совершались слишком часто. Конечно, нет дыма без огня, однако стремление переложить *всю вину* на генералов, не принимая в расчет другие факторы, является по меньшей мере упрощением. Не было ни одной войны, которая велась бы без ошибок, и если учесть все обстоятельства, что

определяли их действия, та особенная ярость, которую в течение многих лет, начиная с 1918 года, навлекают на себя генералы Первой мировой войны, выходит за пределы понимания.

Кроме того, есть несколько суровых истин, касающихся войны, и читатель должен усвоить их с самого начала. Первая и наиболее важная из них была четко и ясно выражена генерал-майором Эриком Сиксмитом: "Нет более опасного заблуждения, чем предположение о том, что сражения можно выигрывать без всяких потерь. Каким бы блестящим ни был план, он всегда опирается на солдата, который любой ценой должен пойти в атаку и нанести урон противнику. Когда противник готов к бою, а немцы всегда были готовы к бою, это предполагает кровавую битву и большие потери" ("British Generalship in the Twentieth Century", p.76).

Анализируя действия генералов во время сражений, проводимых под их руководством, настоящая книга попытается выяснить, *почему* события на Западном фронте протекали не так, как они планировались. Здесь будет проведен анализ событий, предшествовавших этим сражениям, а также обстоятельств, заложниками которых оказывались военачальники, приказов, отданных им их политическими хозяевами, и проблем, которые вставали перед генералами в результате всего этого. Эти проблемы не были обусловлены только действиями противника по ту сторону нейтральной полосы. Генералы, которые воевали на Западном фронте, испытывали сильную зависимость от политических маневров, проходивших за их спиной в Вестминстерском дворце, от обстановки в рядах союзнических армий или на других театрах военных действий. Первая мировая война, которая вплоть до военного конфликта 1939 года называлась Великой, все равно оставалась мировой. Об этом обстоятельстве следует помнить, несмотря на то что содержание данной книги концентрируется вокруг действий небольшой группы генералов на фронте протяженностью девяносто миль (примерно 145 км). Однако подобная концентрация является необходимой с точки зрения удобства изложения материала. Тем не менее для восстановления более масштабной картины военных действий время от времени в книге будут приведены соответствующие ссылки.

Положение, в котором оказались генералы Первой мировой войны, иначе как сложным не назовешь. Однако при этом не следует забывать две вещи. Во-первых, к 1917 году армия Великобритании превратилась в чудовищную военную машину, которая в последние месяцы 1918 года сметала любую преграду на своем пути. Во-вторых, *ведь война была выиграна именно британской и французской армиями* и армиями их союзников... и главным образом под руководством именно тех генералов, которых с таким наслаждением и даже страстью общественное мнение и многие историки стремятся очернить сегодня.

Британский генералитет, о котором идет речь в этой книге, представлен лордом Китченером, который, будучи фельдмаршалом, находящимся на действительной службе, занимал в первые годы войны самый необычный для этого звания пост военного министра. Вслед за ним идет Робертсон, который большую часть войны занимал пост главы имперского Генерального штаба и оказывал постоянную поддержку Хейгу. Робертсон не командовал ни одной из армий, однако он наилучшим образом защищал интересы армии в борьбе с политиками в самой Великобритании. Далее следуют фельдмаршал Френч, первый главнокомандующий силами Британского экспедиционного корпуса, и пришедший ему на смену Хейг, затем Смит-Дорриен, Алленби, Роулинсон, Бинг, Плюмер, Гоф, Горн и Бидвуд, каждый из которых командовал армиями на Западном фронте, а также хитрый Вильсон,^[4] который не командовал никакими армиями, но сменил Робертсона на посту начальника Генштаба. В книге также пойдет речь и о двух генералах из британских доминионов - Карри и Монаше. Командуя Канадским и Австралийским корпусами соответственно, эти последние действовали на несколько низшем уровне, и эти генералы упоминаются не в силу своего солидного воинского опыта, а потому что, возглавляя воинские части из доминионов, они занимали несколько необычную позицию по отношению к Верховному командованию Великобритании. Здесь стоит отметить, что большую часть войны эти два превосходных корпуса успешно воевали под командой английских генералов.

Помимо военачальников из Великобритании в книге также пойдет речь о четырех французских генералах, это генералы Фош, Жоффр, Нивель и Петэн. Их решения и

действия оказывали большое влияние на решения и действия британского командования на Западном фронте. Книга была бы не полной, если бы в ее последней части не был упомянут командующий Американского экспедиционного корпуса генерал "Пират" Першинг. И, в конце концов, представляется невозможным не упомянуть тех немецких генералов, части которых противостояли армиям союзников на Западном фронте. В книгу также включены материалы о четырех германских военачальниках: Мольтке, Фалькенгайне, Гинденбурге и Людендорфе.

Это "главные герои", или основные действующие лица, - те, кто осуществлял высшее командование. Однако было много и других генералов либо на уровне командиров корпусов или дивизий, либо тех, кто на краткий миг ярко вспыхивал над всей линией фронта, - такие люди, как превосходный тактик английский генерал сэр Айвор Максзи или умелый германский артиллерист полковник Брухмюллер, а также тогда еще сравнительно молодые командиры танковых соединений, такие как Фуллер и Эллес. У каждого из них будет своя роль, точно так же, как и у политиков. Среди последних нельзя не отметить Герберта Генри Асквита и Уинстона Черчилля (который в течение нескольких месяцев командовал на Западном фронте батальоном, но самую большую пользу принес, будучи министром военного снабжения в 1917–1918 годах), президента США Вудро Вильсона, премьер-министра Франции Жоржа Клемансо и более всего Дэвида Ллойд Джорджа - премьер-министра Великобритании с 1916 года. Затем здесь также присутствуют "политические генералы", такие как сэр Генри Вильсон, который является одним из наиболее интересных героев во всей саге о Великой войне. Однако главным объектом повествования остаются британские генералы переднего края на Западном фронте.

В процессе работы над книгой огромное количество материала было почерпнуто из множества биографий этих генералов, а также из автобиографий, написанных ими самими. Однако уже на начальных этапах изучения документов стало ясно, что к этим мемуарам следует относиться с определенной долей осторожности. Одно подобное предупреждение появилось в виде записки от бригадного генерала сэра Джеймса Эдмондса, вклеенной в принадлежащий библиотеке Академии Генерального штаба в Кимберли экземпляр биографии фельдмаршала сэра Генри Вильсона, которая была написана генерал-майором сэром Чарлзом Колуэллом.

"Эта книга, основой которой послужили дневники Вильсона, содержит много ложных утверждений и ряд важных упущений. В 1897 году Вильсон не уходил из Отделения разведки, соблазненный предложенным званием бригадного майора. Руководитель Военной разведки генерал сэр Джон Ардах уволил его за несоответствие уровню образования, необходимому для штабного офицера.

Рассказ о том, как Вильсон оставил Генеральный штаб, чтобы стать офицером связи при Генеральном штабе Франции, тоже не соответствует действительности. Мне случилось присутствовать при его увольнении. В 1914 году я был направлен в Сен-Омер, и меня вместе с графом Перси и "отцом танков" сэром Эрнестом Свинтоном определили на постой в дом на Рю-Сен-Бертен, что дверь подле двери стоял рядом с домом, в котором располагалось командование английского экспедиционного корпуса. Незадолго до Рождества, выйдя из дому я стал свидетелем перебранки между сэром Джоном Френчем и Вильсоном; они ругались, стоя прямо на мостовой. Генри просил не отсылать его в Англию, а Френч, лицо которого было багровым от гнева, кричал: "Вы мошенник, не было случая, чтобы вы не подводили меня, и вы здесь не останетесь; если уж вам так хочется, приезжайте сюда как частное лицо и живите с этими паршивыми французами, которых вы так любите!"

В 1917 году, когда Вильсон служил офицером связи при Генеральном штабе Франции, французское правительство попросило, чтобы он был удален из штаба как лишенный статуса "персона грата", и Вильсона отправили в Англию..."

К этому прекрасному повествованию было прикреплено написанное от руки письмо официального историографа Первой мировой войны бригадного генерала сэра Джеймса Эдмондса. Он адресовал его библиотекарю и рекомендовал в нем, чтобы копия данного послания была вклеена в каждый экземпляр книги Колуэлла: "Вам может понравиться или не понравиться вклеивать прилагаемый комментарий в колуэлловское описание

жизни Вильсона, и я послал копию в библиотеку Военного министерства. Смерть Вильсона заставляет меня думать, что за все дурные дела воздается на этой земле".

Письмо датировано 13 мая 1955 года. События, о которых говорится в ней, якобы имели место *за сорок лет* до этого (а Генри Вильсон был убит боевиками Ирландской республиканской армии в 1922 году), а Эдмондс все еще не мог избавиться от какого-то недоброжелательства по отношению к нему. Возможно, что это - пример исключительной враждебности, существовавшей между генералами, можно представить себе, что они говорили о событиях Первой мировой войны, что они говорили о друг друге.

Кому-то это желание ограничиться всего двадцатью четырьмя генералами в книге о войне, которая только в одной Великобритании потребовала участия миллионов и унесла жизни сотен тысяч человек, может показаться странным. Тем не менее существуют веские причины, побуждающие остановить свой выбор на таком небольшом количестве. Взять хотя бы то обстоятельство, что об этих генералах Первой мировой войны до сих пор не было написано ни одной книги *как о группе командующих*. Однако осуждению они подвергаются *именно как группа командующих*. Написано огромное количество биографий и автобиографий, но личные заслуги и воинское искусство субъектов этих сочинений утопают в потоках осуждений, льющих на генералов вообще. Стоит добавить, что даже те писатели, которые осуждают этих генералов *как группу командующих*, признают, что некоторые из них - Бинг, Плюмер, Карри, Монаш, Роулинсон (по крайней мере после Соммы) - были как минимум лучше других. Вот тут-то и начинаются сложности. Эти люди объединены в группу по другой причине, поскольку многие из них, хотя и не все, имели одинаковое военное прошлое и довольно близкий послужной список - боевые действия в Южной Африке, в Судане, в Индии и на северо-западных границах. А потом они один за другим кончали штабной колледж и после этого получали под свою команду бригады, дивизии и иные системы военного командования, входящие в состав внутренних военных образований Соединенного королевства.^[5] В небольшой армии они являлись элитой, и они хорошо знали друг друга, из чего вовсе не следует, что все они были друзьями, которых водой не разлить.

Второй причиной, по которой основное внимание в этой книге сосредоточено на военном руководстве, заключается в том, что Первая мировая война - событие исключительно большой сложности. В силу этого обстоятельства мудрый писатель начинает книгу с того, что формулирует цель своей работы, определяет пределы поиска и объект задачи, а после этого не отступает от своей цели до тех пор, пока не докажет постулируемые им положения или по крайней мере не выдвинет их. Риска быть вынужденной рассматривать вопрос, вникая во все мелочи, эта книга имеет целью бросить объективный взгляд на действия генералов *с позиций их времени* и рассмотреть, насколько оправдана та одиозная репутация, которой они пользуются сегодня. С равным успехом можно было бы двинуться по накатанному пути, беспепелляционно обвиняя генералов в жестокости и в неспособности управлять войсками. Для вынесения подобного приговора есть достаточно свидетельств, особенно если разрешены избирательный подбор фактов и экономное использование правды, но справедливо ли это? Я думаю, что нет, и если писать историю с учетом пристрастий, это будет не история, а пропагандистский материал или что-то вроде приглашения к полемике. Первый шаг к выработке справедливого решения заключается в расстановке фактов - всех относящихся к делу фактов - в соответствии с контекстом событий. Правда, при этом создаются предпосылки для бесконечной дискуссии, какие факты нужно считать относящимися к делу, а какие нет.

Третья причина, согласно которой все внимание оказывается сосредоточенным на небольшой группе генералов, заключается в том, что настоящая книга старается не просто рассказать *о том, что случилось*, как это обычно делают каждое по-своему все исторические описания, но объяснить, *почему что-то случилось*. Большинство книг либо пренебрегают этим занятием совсем, либо дают лишь крайне поверхностный анализ. Чтобы понять и объяснить, почему что-то случилось, нужно располагать большим количеством времени и определенной информацией о деталях события. Лучше всего это положение может быть проиллюстрировано хорошо известным примером.

Ни у одного историка не вызывает сомнения тот факт, что в 7 часов 30 минут утра 1 июля 1916 года британская пехота поднялась из траншей и, образовав длинную цепь, двинулась через нейтральную полосу к немецким оборонительным рубежам на реке Сомме. Спустя несколько минут солдаты попали под мощный заградительный огонь из пулеметов, минометов и пушек. Атака захлебнулась практически по всему фронту вдоль Соммы. К концу этого дня потери британской армии составили 57 470 человек, из них почти 20 000 убитыми, более тяжелого поражения британская корона не знала со времен Гастингса. Большинство историков при этом добавляют, что "линейное" построение боевого порядка, использованное в тот злосчастный день наступающей английской пехотой, в немалой степени послужило причиной последовавшей катастрофы.

Но *почему же* она случилась? Конечно же, построение наступающих цепью, широко, но ни в коем случае не повсеместно использованное английской пехотой 1 июля, способствовало росту числа потерь, потому что такой боевой порядок являлся отличной мишенью для немецких пулеметчиков, так почему же он был использован? То, что войска, атакующие на открытом пространстве, уязвимы перед прицельным огнем современного оружия, уже было очевидным в течение нескольких лет. Одним из последних подтверждений этого факта было ужасное побоище, учиненное британской пехотой атакующим немецким войскам в сражениях при Монсе и Лангемарке в 1914 году, а также действиями против британских войск, что на открытой местности атаковали позиции немцев при Оберс-Ридже или Лоосе в 1915 году. Об этом же свидетельствует и практика французских войск, которые с самого начала войны почти повсеместно проводили свои атаки подобным образом. Атака на подготовленную оборону противника, который сидит в траншее и вооружен пулеметами, обозначала верную гибель, так *почему же* англичане избрали этот способ атаки в 1916 году?

Анализ военных донесений тех лет показывает, что у командования была надежда, что предшествовавший атаке, длившийся целых семь дней регулярный артиллерийский обстрел позиций противника на Сомме разрушит линию обороны немецких войск и сметет обороняющихся. Кроме того, одна брошюра ("Подготовка дивизий к ведению наступательных действий", Генштаб, май 1916) выдвигала теорию, которая утверждала, что при штурме траншеи противника "наступление цепью в одну линию, как правило, не приносит успеха, атака двумя линиями солдат может оказаться успешной, но, как правило, она тоже не приносит успеха; цепь в три линии пехотинцев в общем и целом добивается результата, но иногда и этих сил оказывается недостаточно. И только атака четырьмя линиями обычно оказывается результативной". Ознакомившись с подобной формулировкой, автор этих строк, который в дни своей армейской службы был пулеметчиком станкового пулемета "Виккерс", не мог не содрогнуться, представив себе солдат, которых инструктировали подобным образом. И еще: в верховном командовании утвердилось всеобщее мнение, что пехотинцы Новой армии фельдмаршала Китченера, которая в первый раз широко использовалась в боевых действиях, не имели необходимой подготовки и не смогли справиться со сложной тактикой "атаки с огневой поддержкой" на открытом пространстве.

Если они не имели должной подготовки, *то почему?* Солдатами этой армии были мужчины, сотни тысяч мужчин, которые добровольно надели форму в ответ на знаменитый призыв Китченера в августе 1914 года. К тому времени, когда 1 июля 1916 года они "шагнули через бруствер", большинство из них прослужило в армии почти два года. Что же они делали все это время, если они не смогли освоить основные элементы тактики пехоты? В самом деле, разве можно всерьез утверждать, что они были не способны усвоить подобную подготовку? Ведь все солдаты этой армии были добровольцами, цветом нации - многие из них были ремесленниками, служащими контор, квалифицированными рабочими, имевшими образование, а иногда и просто хорошее образование; все усердно учились воинской науке. Их командиры - младшие офицеры - принадлежали к среднему классу, это были учителя средней школы, зачастую с университетским образованием. Подобных людей нельзя назвать невежественными дураками.

Помимо всего прочего, надо было усвоить принципы движения за огневым валом ("атаки с огневой поддержкой"), тактики, согласно которой одна часть наступающих ведет огонь по позициям обороняющихся, чтобы те не могли поднять голову, в то время как другая

устремляется к этим позициям. Затем эта часть наступающих - пехотинцы, наступавшие первыми, - занимает позицию и обеспечивают огневое прикрытие для той части наступающих, которая до этого прикрывала их выдвижение. Подобное чередование продолжается до тех пор, пока атакующие не подойдут к позициям обороняющегося противника настолько близко, что смогут образовать единую цепь атакующих и подняться в штыковую атаку. Любой, кто понял содержание трех последних фраз, уже уяснил основные принципы проведения атаки с огневой поддержкой. После этого нужны только учения для отработки приемов на практике, в процессе которых можно бы добавить с целью дальнейшего повышения эффективности боевых действий и проведение атаки левым или правым флангами. Для справедливости, однако, следует отметить, что в части огневой поддержки тактика подобной атаки образца 1914 года испытывала сильную зависимость от эффективности магазинных винтовок с неавтоматическим затвором, и она стала по-настоящему эффективной позже в ходе войны, после того как на вооружение стрелкового взвода поступили легкие ручные пулеметы Льюиса.

Атака с огневой поддержкой была основой тактики британской пехоты и в 1914 году (см. *The Official History, vol. I, p. 9*) и остается сегодня. Так почему же от нее отказались в атаке при Сомме в 1916 году? Местность, которую предстояло пересечь британским войскам, прежде чем они достигнут немецких позиций, была холмистой, с большим количеством воронок после недели постоянного артиллерийского обстрела. Если артиллерия не смогла полностью подавить оборону противника, если у него оставался хотя бы один действующий пулемет, тогда атака с огневой поддержкой являлась единственным средством наступления. Первого июля 1916 года атакующие располагали всеми необходимыми средствами для проведения атаки с огневой поддержкой, но эта тактика не использовалась. *Почему?*

Что же, мы узнаем почему, как только дойдем до соответствующей главы, узнав по дороге, что ни один батальон не шел в атаку в виде развернутой цепи, а также что принятый боевой порядок не оказал такого сильного влияния на цифры потерь, как это принято всеми считать. У трагедии, что имела место 1 июля 1916 года, было множество других причин, однако данный пример показывает, что даже исследование такого несложного вопроса, как построение боевого порядка атакующих частей, очень скоро уводит писателя в сторону более глубокого изучения вопроса.

Изложенное справедливо и для большинства других сторон войны, и в силу этого обстоятельства, когда приходится исследовать или писать о любом аспекте этой трагедии, очень важно остерегаться любых абсолютных истин. Для каждого правила есть свое исключение, для каждого примера, подтверждающего какую-то точку зрения, всегда можно найти пример, подтверждающий противоположную точку зрения. Обстановку на Западном фронте трудно назвать иначе как очень сложной, и вопрос "Почему?", заданный после того, как каждое событие было уже "истолковано", зачастую делает это событие еще более загадочным.

Поэтому, в силу всех этих причин, а также в силу тех причин, которые позже станут очевидными, данная книга не станет выходить из узких пределов границ, установленных выше. Среди историков мало единодушия в оценке Первой мировой войны, и нет конца основаниям и предпосылкам для проведения полемики. Однако когда общественное мнение получает возможность познакомиться со всей ситуацией в целом, ей удается заключить, что отнюдь не все генералы, и тем более не всецело, повинны в том, что происходило на Западном фронте.

Описать все развитие событий и так, как оно имело место, - это непростая задача. Сбор материалов для этой книги показал, что существует огромное количество людей, ограниченное миропонимание которых не принимает ничего иного, чем имеющееся у них убеждение, что большинство высших военачальников Первой мировой войны были палачами и что британские генералы были самыми худшими из всех из них. Поэтому можно было бы обсудить некоторые из наиболее часто встречающихся обвинений, выдвинутых против генералов, в надежде, что те люди, которые уже утвердились в виновности генералов, потратили бы время на то, чтобы рассмотреть еще одну возможность: не может ли быть так, что они ошибаются. Кроме того, анализ подобных обвинений позволит повествованию перейти к более важным вопросам.

В качестве примера давайте возьмем широко распространенное убеждение, что все генералы были кавалерийскими офицерами-аристократами, которые жили в шато на большом удалении от передовой и которые посылали на смерть миллионы молодых людей - либо одуроченных выходцев из рабочего класса, либо восторженных поэтов - представителей среднего класса.

Военный историк доктор Джон Борн приводит несколько удачных доводов против этого глубоко укоренившегося обвинения в принадлежности к кавалерийским офицерам:

"Во-первых, мне представляется, что следует не просто объявлять, а доказывать наличие предполагаемой связи между принадлежностью к кавалерийским офицерам и глупостью или техническим консерватизмом и ретроградством. По моему мнению, нет оснований для любого из обвинений.

Во время Первой мировой войны кавалерийские офицеры отнюдь не преобладали на любых должностях ниже командующего армией. Хейгу не нравилась перспектива иметь кавалеристов в качестве своих непосредственных подчиненных. Киггел, Дэвидсон и Батлер, служившие непосредственно под его началом, были пехотинцами, а Чартерис - сапером. В качестве командующих корпусами он отдавал предпочтение артиллеристам. Из тех 47 офицеров, что командовали дивизиями на Западном фронте, только девять человек начинали свою службу в кавалерии, и большая часть из этих последних командовала кавалерийскими дивизиями. По состоянию на 11 ноября 1918 года из восемнадцати человек, командовавших корпусами на Западном фронте, только один, а именно Каванаг, был настоящим кавалеристом, так ведь он и командовал кавалерийским корпусом! Остальные, за одним исключением, все были пехотинцами, а исключением являлся кавалерийский офицер Де Лисл, которого чистым кавалеристом тоже не назовешь. Он начал свою карьеру в Дурхемском полку легкой пехоты и прослужил там десять лет, а потом его перевели в 5-й драгунский гвардейский полк"

(Из переписки с автором).

Как это показал доктор Борн, обвинение в принадлежности к "кавалерийским офицерам-аристократам" помимо того, что является в общем и целом неверным, демонстрирует также и глубокое невежество во всем, что касается армии Великобритании. Если генерал способен командовать войсками, то ни история его появления на свет, ни его происхождение, а также длительность службы никак не могут повлиять на его способность исполнять эту функцию. Конечно, наличие связей во властных структурах и влиятельных кругах никогда и нигде не служило препятствием к продвижению по служебной лестнице во всех областях человеческой деятельности. Лорд Льюис Маунтбэттен, который во время Второй мировой войны возглавлял Штаб объединенных операций, а затем был Верховным главнокомандующим в Юго-Западной Азии, а потом последним вице-королем Индии, а еще позже 1-м морским лордом, был внуком королевы Виктории и двоюродным братом королевы Елизаветы II [6] - подлинным аристократом, настоящей голубой кровью, и ему было безразлично, кто и что думает об этом. Но никто не отрицает, что он был способным военачальником, никто не приписывал высокое положение, занимаемое им, его родословной. Говорят, что наличие нужных связей было весьма полезным в начале XX столетия. Оно полезно и в наши дни.

Ни один из генералов Первой мировой войны не имел таких связей, как у Маунтбэттена. [7] Большинство из них были профессиональными военными с ограниченными средствами; и в самом деле, отец фельдмаршала сэра Уильяма Робертсона был деревенским почтмейстером, и Вулли, как всегда звали этого генерала, начал свое восхождение по служебной лестнице, полагаясь только на свои способности. Семейство Хейга первоначально "занималось коммерцией" и продавало виски, но оно уже давным-давно перешло в класс помещиков. Этот список можно было бы продолжить, поскольку правда заключается в том, что, хотя оно и абсолютно маловажно, это ложное представление об офицерах-аристократах нетрудно опровергнуть. Все эти люди принадлежали к среднему классу и были профессиональными военными, а не богатыми бездельниками или изнеженной аристократией. Верно, что Бинг был младшим сыном графа, и Роулинсон был баронетом, однако всеми признано, что это были хорошие солдаты.

Остается еще обвинение в принадлежности к кавалерийским войскам. Если не считать туманных рассуждений о том, что кавалерийский офицер, который только и думает, что о своих лошадях, не может командовать пехотой, совершенно непонятно, почему служба в кавалерийском полку всегда рассматривалась как недостаток, и здесь снова чувствуется некоторое присутствие какого-то извращенного снобизма. Однако подобное обвинение тоже далеко не соответствует истине, потому что *отнюдь не все* командование Западного фронта вышло из кавалерии. Френч, Хейг, Робертсон, Алленби, Бинг и Гоф - они начинали свою службу в кавалерии. Однако Смит-Дорриен, Плюмер и Роулинсон были пехотинцами; Горн был артиллеристом, а Китченер, сапером. Монаш и Карри вовсе не были профессиональными солдатами; первый до войны был юристом, а второй торговал недвижимостью, то есть был риелтором.

Полковник Тэрри Кейв из Ассоциации фронтовиков Западного фронта рассматривает это обвинение в принадлежности генералов к кавалерии как еще один "седой и древний миф" и подтверждает точку зрения доктора Борна некоторыми статистическими данными по всей войне в целом:

"Во время Первой мировой войны из всех 223 командиров дивизий (генерал-майоры) британской армии 148 человек вышли из пехоты, 35 из кавалерии, 29 из артиллерии и 11 были саперами. Из 52 командиров корпусов (генерал-лейтенанты) 29 человек принадлежали пехоте, 13 были кавалеристами, 8 артиллеристами и 2 человека саперами.

В 1914 году накануне войны из 8 командующих военных округов шестеро были пехотинцами, один артиллеристом и один кавалеристом (командующий в Олдершоте генерал-лейтенант Хейг). Шестью регулярными дивизиями Британского экспедиционного корпуса командовали пять офицеров-пехотинцев и один артиллерист. (Кавалерийская дивизия Алленби была сформирована после начала мобилизации.) Из командиров 14 дивизий Территориальных сил 10 человек были пехотинцами, трое вышло из артиллерии и один был кавалеристом. Ну и в заключение: посты членов Военного совета, начальника Генерального штаба, а также пост генерал-адъютанта, генерал-квартирмейстера и руководителя Главного артиллерийского управления занимали два пехотных офицера, офицер-артиллерист, а также сапер".

Таковы факты, охотно предоставленные двумя людьми, которые имеют доступ к фактическому материалу, но тем не менее готовы провести любое самое детальное расследование. И несмотря на это обстоятельство, множество писателей и историков *по-прежнему* продолжают утверждать, что основной состав высших офицеров армии Великобритании вышел из кавалерии, заключая, что это обстоятельство так или иначе способствовало возникновению трагедии. Первая часть этого утверждения просто неверна. Но даже если бы это было не так, обвинение спорно, и это в лучшем случае.

Ряд писателей пытается затуманить очевидное, утверждая, что если сопоставить относительно небольшую численность кавалерии как рода войск с общим количеством корпусов, то количество командующих из кавалерии будет непропорционально большим. Так, получается, что в разное время высшее командование британской армии пополняется генералитетом из разных родов войск. В конце XIX столетия это были саперы, представленные такими генералами, как Гордон и Китченер; несколько позже в состав высшего командования вошли пушкари и "зеленые мундиры", а к концу XX столетия получилось так, что доступ на высшие армейские командные должности может гарантировать только служба в войсках стратегического назначения. В начале же того столетия пришла очередь кавалерии; но и в этом случае главным двигателем на пути к высоким командным должностям были личные способности... и окончание штабного колледжа.

А что касается жизни в шато и вдали от передовой, то где еще командующий генерал того времени мог разместить свою штаб-квартиру? Разве можно всерьез утверждать, что командир, в подчинении у которого находится от полумиллиона до миллиона человек, должен писать свои приказы, сидя в траншее на передовой и положив блокнот на колено? Применительно к мирному времени, разве глава большого предприятия станет осуществлять руководство, сидя на полу или в машбюро? Какое безбрежное море невежества, намеренной глупости и классовой ненависти скрывается за подобным обвинением!

Задачей генерала является командовать и осуществлять контроль за исполнением приказаний. Не имея возможности контролировать исполнение отданных приказов, а мы еще поговорим об этом, генерал не сможет командовать. Поэтому ему нужен доступ к радио и телефонной связи, к транспортным коммуникациям и к аэродромам. Для работы ему необходимо пространство - место, где он сможет составлять и разрабатывать планы, инструктировать своих офицеров, анализировать действия противника и осуществлять командование своими войсками. Для обеспечения этой своей работы он нуждается в штате подготовленных офицеров, и об этом тоже будет сказано ниже: разведчиков, артиллеристов, саперов, интендантов и транспортников. Ему необходимо помещение для работы с картами, а также обычный штат писарей, вестовых, водителей, поваров и ординарцев. По мере развития военных действий проблемы штабной работы и управления войсками становятся еще более сложными, и наличие большого штата в штабе становится реальной необходимостью.

Генерал должен иметь помещение, в котором он смог бы проводить совещание с подчиненными ему командирами и с командованием частей союзников; ему постоянно приходится иметь дело с потоком посетителей, начиная от политиков и до журналистов. Когда главнокомандующим был фельдмаршал Хейг, которого часто вызывали в Лондон то его военные, то политические руководители, последнему приходилось размещать свою штаб-квартиру поблизости от портов Ла-Манша. Изложенные обстоятельства требуют, чтобы расположение штаб-квартиры обеспечивало оперативное руководство действиями частей, чтобы она находилась вне досягаемости оружия противника, но чтобы при этом из нее было удобно объезжать фронт. Кроме того, штаб-квартира должна быть обеспечена первоклассными средствами связи. Каждый, кому случалось принимать участие в работе большой организации, будь то военной или гражданской, тоже поймет, почему это так, поймет, почему подобное обвинение не способно устоять перед доводами, которые подсказывает элементарный здравый смысл.

Командующие армиями *отнюдь не сидят* целыми днями в своих штаб-квартирах. И они сами, и их штабные офицеры каждый день покидали их, выезжая на передовую, а когда шло сражение, все они переходили в походные штаб-квартиры, выдвинутые ближе к линии фронта. Хейг, под командованием которого находилось несколько армий, широко использовал штабной поезд. Нужно отметить, что генералы могут погибнуть так же легко, как и любой другой человек. Во время Первой мировой войны британская армия потеряла 78 генералов - либо непосредственно в боевых действиях, либо в результате тяжелых ранений, либо в результате смерти на боевом посту. Еще 146 генералов были ранены. А что же касается раздора между солдатами с передовой и штабниками, то он длится уже не одно столетие. Столкновение между Гарри Горячая Шпора и штабным офицером в пьесе Шекспира "Генрих IV" является достаточным тому подтверждением. Однако большинство из штабных офицеров Первой мировой войны, прежде чем попасть в штаб, успели повоевать в батальонах на передовой или же поучаствовать в других сражениях в свое время.

В 1917 году жена многократно оклеветанного бригадного генерала Джона Чартериса, который был начальником разведки в штабе Хейга, попросила его описать свой день. Его рассказ начинался со встречи с Хейгом в 9.00 утра (а чтобы подготовиться к ней, он принимался за работу двумя часами ранее) и продолжался до 22 часов. Подобный тринадцатичасовой рабочий день - объяснял он своей жене - "достаточно обычный режим работы в те дни, когда мне не приходится выезжать в ту или иную армию". Так что в дни, когда не происходило крупных сражений, Чартерис и другие офицеры штаба работали по двенадцать часов в сутки или даже дольше день за днем и зачастую неделя за неделей без перерывов на уик-энд или выходных по воскресеньям. Просто представьте себе объем работы, который приходилось выполнять генералу и его штабу, и вам станет понятно, что стремление располагать штаб-квартиру на удалении от передовой является глубоко разумным, и никакие насмешки невежд не должны уводить нас от этого факта.

Как и их подчиненные на фронте, командующие тоже подвергались опасности. Мнение, что генералы оставались вне досягаемости артиллерийского огня противника, было опровергнуто Фрэнком Дэйвисом и Грэмом Мэддоксом, авторами великолепной и содержащей большое количество документального материала книге "Кроваво-красные петлицы" ("*Bloody Red Tabs*"). В этой книге приводятся сведения о судьбе 224 генералов

Великобритании, погибших или раненых в Первой мировой войне. Десять генералов из них были убиты или ранены в первые же пять месяцев войны, и подобная участь постигла не менее 76 офицеров этого ранга в 1918 году; восемь генералов были ранены дважды. В сражении при Лоосе в 1915 году в один день погибли три генерала. Подобная статистика опровергает расхожее мнение, что генералы отсиживались в безопасных местах на достаточном удалении от линии фронта.

Здесь нужно рассеять также еще один клеветнический довод, будто бы на Западном фронте генералы Первой мировой войны посылали на смерть "миллионы" людей. Эта ложь существует то ли в силу намеренного искажения фактов или же неспособности видеть разницу между цифрами "потерь убитыми и ранеными" и цифрами, определяющими количество убитых в сражениях. Один достаточно точный источник считает количество британских солдат, состоявших на службе в армии Великобритании и погибших на Западном фронте в период с 1914 по 1918 год, равным 510 821 человеку (*General Annual Reports of the British Army, 1913–1919; 1921*). Однако следует осторожно относиться к статистике Первой мировой войны, поскольку она, кажется, меняется от источника к источнику, и в любом случае они являются поводом для серьезных размышлений и анализа. Например, Чарлз Каррингтон оценивает цифру погибших на Западном фронте в 611 654 человека, как граждан Великобритании, так и ее колоний, из которых 488 000 человек являются гражданами Соединенного королевства. Такие цифры приведены в его книге, и взяты они из документов официальной статистики ("*Soldier From the Wars Returning*", p. 306). Однако "Официальная история" приводит следующие цифры погибших на войне:

Британские острова: 704 803 (на Западном фронте 564 715);

Доминион Канада: 56 639;

Содружество наций в Австралии: 59 330;

Доминион Новая Зеландия: 16 302;

Южно-Африканский союз: 6606;

Ньюфаундленд: 1204;

Британские колонии: 49 763;

Индия: 62 056.

Не исключено, что разночтение в данных возникает в силу того обстоятельства, что окончательные цифры в графе "погибшие" включают в себя и тех, кто умер от ран - и многие из них спустя недели или даже месяцы после ранения. Поскольку сбор данных производился в разное время и из разных источников, итоговые цифры отличаются друг от друга. Но в любом случае ни одна из сводок по Западному фронту даже не приближается к 1 миллиону погибших. Прошу заметить критиков, что я не использую таких выражений, как "только 510 821", "только 488 000" или "только 564 715 убитых". Я не хочу преуменьшать значение этих цифр; смерть даже одного человека - слишком большая потеря и повод для глубокой скорби членов его семьи, товарищей и друзей.

Но поскольку выражение "миллионы" должно подразумевать как минимум два миллиона, "миллионы погибших", принятые за истинные потери на Западном фронте, содержат ошибку в 300 процентов. Тем не менее сплошь и рядом говорится о "миллионах погибших", и поэтому в такую цифру потерь больше всего верит широкое общественное мнение. В 1997 году во время пешего похода вдоль линии Западного фронта, когда я сообщил истинные цифры потерь группе образованных и много повидавших туристов, они просто отказались верить мне. Возможно, что своим происхождением эта ошибка обязана тому факту, что помимо убитых на Западном фронте были ранены 1 523 332 британских солдата; сложенные вместе эти две цифры и породили убеждение, что на полях Франции и Бельгии были убиты *миллионы* солдат Великобритании. То же самое относится и к солдатам других наций. Общие *потери* Канады, например, составляют 207 000 человек. Однако фактическое число *убитых* гораздо меньше и тоже меняется от источника к источнику. Количество погибших на войне, по данным Канадского военного мемориала в Ваими Ридж, составляет 66 655 человек; эта цифра высечена на камне и приведена в документах, подтверждающих ее. Однако Канадская официальная история (с. 548) сообщает, что общее число погибших составляет 59 544 человека. И подобной путанице нет конца.

Количество погибших, определенное в процентах, является еще одним поводом для дискуссии, и не в последнюю очередь в странах, входивших в состав империи, где количество погибших или раненых можно соотнести с общей численностью населения, с общей численностью мужского населения, с общим количеством призванных мужчин или с количеством тех, кто нес службу вдали от дома, - или с любым иным показателем, подтверждающим рассуждения пишущего. Я не намерен идти по этой дороге. Если женщина теряет мужа, а мать, своего единственного сына или ребенок теряет отца, потеря равна 100 процентам, и какую нацию ни возьми, горе будет одним и тем же.

В отношении генералов цифры содержат более точные сведения. Согласно доктору Борну, во время Первой мировой войны на Западном фронте несли службу 1193 британских генерала (письмо к автору, 1997 год), а Дэйвис и Мэддокс в своей книге "Кроваво-красные петлицы" показали, что во время этой войны были убиты, ранены или захвачены в плен 232 генерала. Не все эти потери, но большинство из них имели место на Западном фронте. Если из общего списка исключить тех, кто воевал в Галлиполи, на Ближнем Востоке или в других местах, число потерь в генеральском составе на Западном фронте все равно будет превышать 200 человек. Трудно получить более точные сведения, поскольку раненный на фронте генерал мог умереть от своих ран, находясь уже в Великобритании. Другие умерли во время учений или как лорд Китченер, оказавшийся на корабле, потопленном противником; но, так или иначе, потери в высшем комсоставе на Западном фронте равны примерно двумстам человекам, или 17 процентам от всех генералов, воевавших там. Это означает, что в среднем каждую неделю войны один генерал погибал в результате действий противника. За девять дней сражения при Лоосе британские войска потеряли девять генералов: были убиты генерал-майоры Кэппер, Тэсиджэр и Винг, а также бригадные генералы Никеллс и Уормалд, бригадные генералы Поллард и Пирейра были ранены, а бригадный генерал Брюс взят в плен. Подобные факты опровергают обвинение в том, что генералитет отсиживался в шато на безопасном удалении от линии фронта.

Однако все вышеизложенное не должно заставлять кого-либо думать, что настоящая книга опровергает все обвинения, выдвинутые против генералов. Они несут свою долю ответственности за то, как шла война, и они должны нести свою меру вины за нее. Однако, прежде чем приступить к детальному рассмотрению, что же на самом деле было неправильно и *почему*, необходимо освободиться от всей дешевой и трескучей фразеологии по поводу той войны.

Даже если книга ограничена рамками достаточно узкой темы, изучающей действия генералов, командовавших на Западном фронте, все равно необходимо дать некоторые пояснения, что предшествовало войне, описать, как и почему она началась и какие предпосылки - политические, военные и технические - привели к военным действиям, характерным для нее. Это поможет понять, почему эту войну было невозможно завершить, как это должно было бы быть в том случае, когда полная победа на поле боя достается слишком дорогой ценой. Многие из тех событий, которые произошли до 1914 года и явились предпосылками военного конфликта, продолжали действовать на протяжении всей войны, поэтому время от времени читатель получит напоминание о той или иной исторической подоплеке, которая оказала влияние на ход сражения, рассматриваемого в данный момент. Выбор позиции, с которой следует начать объяснение предпосылок Первой мировой войны, достаточно широк, но нет сомнения в том, что лучше всего начинать с позиций политики.

Искрой, которая разожгла пожар Первой мировой войны, явилось убийство наследника престола Австро-Венгерской империи эрцгерцога Франца Фердинанда, которое случилось 28 июня 1914 года в городе Сараево на Балканах. Однако горючий материал для этого пожара появился в результате победы Пруссии над Францией в войне 1870–1871 годов, следствием которой стало изменение и баланса сил, и политической географии в Западной Европе. Поражение Франции позволило канцлеру Пруссии князю Отто фон Бисмарку объединить под эгидой Пруссии остальные германские государства и создать Германскую империю. Возникновение империи было объективно подготовлено ростом численности и высоким уровнем образования населения, которое гордилось и даже с высокомерием превозносило воинские доблести своих солдат. Она стремилась к тому, чтобы занять ведущее место в европейской науке, стать индустриальной державой

(особенно в области новых технологий производства стали и в химической промышленности), и ей становилось тесно внутри европейских границ новой империи. В результате поражения 1871 года Франция была вынуждена выплачивать громадные репарации, и она потеряла в войне провинции Эльзас и Лотарингию. Поражение также разожгло во Франции жажду реванша и решимость вернуть отобранные провинции. Трагическая ирония Первой мировой войны заключается в том числе и в том, что одной из основных причин стремительного перерастания конфликта в континентальную войну стала система союзов, созданных для того, чтобы войны в Европе не было совсем. Если не считать Франции, которая надеялась вернуть Эльзас и Лотарингию, а также Австро-Венгрии, желанием которой было сокрушить сербов, ни одна нация не вступала в войну 1914 года, имея какие-либо территориальные притязания. Правда, подобные притязания неизбежно появились несколько позже. У Бисмарка не было желания расширять границы Германской империи за пределы Европы, и после 1871 года он посвятил свою жизнь объединению уже собранных территорий, одновременно подкрепляя созданную им империю системой блоков и союзов. Первый из таких союзов появился в 1872 году, спустя год после окончания франко-прусской войны, когда Бисмарку удалось объединить Германию, Австро-Венгрию и Россию в договоре, который позднее стал известен как "Союз трех императоров". Однако этот союз оказался непрочным в силу постоянного спора Австро-Венгрии и России из-за Балкан, где каждая сторона рассчитывала на территориальные приобретения после окончательного распада Оттоманской (Турецкой) империи, "умирающего больного Европы". В 1882 году Бисмарк создал еще один пакт - с Австро-Венгрией и Италией, который получил название "Тройственного союза". В 1887 году этот договор был возобновлен, и когда Бисмарк в 1890 году покидал пост канцлера, он считал, что ему удалось создать прочную основу безопасности Германии.

Его надежда не оправдалась. После начала Первой мировой войны Италия сперва заявила о своем нейтралитете, а позже присоединилась к другому крупному европейскому блоку - "Тройственному соглашению", или Антанте, - группе стран, в которую входили Франция, Россия и Великобритания. Правда, вплоть до самого начала войны последняя не заявляла о своей твердой приверженности какому-либо из союзов. После начала войны к союзу Германии и Австро-Венгрии присоединилась Турция, то есть Оттоманская империя, образовав группу стран, получивших общее название "Центральные державы". Своим происхождением все эти союзы обязаны либо страху перед Германской империей, либо, наоборот, страхом Германии оказаться "в окружении", боязнью того, что союз Франции и России будет "подрубать" границы империи.

Германия не проявляла агрессивности, демонстрируя только осторожность в отношении Франции, вплоть до 1888 года, когда новый кайзер Вильгельм II пришел на смену своему отцу на имперском троне. Вильгельм II отправил Бисмарка в отставку и в течение короткого промежутка времени ухитрился разрушить хрупкое политическое равновесие в Европе. Он был сумасбродным и непоследовательным человеком, а его стремление бряцать оружием лишало спокойствия страны, граничащие с его империей, и привело к тому, что в 1891 году республиканская Франция заключила союз с царской Россией, и этот союз получил свое развитие в виде франко-русского договора от 1893 года, а тот, в свою очередь, вылился в военное "Соглашение", в соответствии с которым каждое государство обязывалось оказать военную помощь в случае нападения агрессора. Данное "Соглашение" совершенно открыто признавало, что потенциальным агрессором является имперская Германия.

Все эти союзы, договоры и соглашения, целью которых было установить "баланс сил" и сохранить мир, привели к тому, что летом 1914 года небольшой балканский кризис развился в большую войну. В Первую мировую войну оказались втянутыми и те страны, которые не преследовали никаких военных целей и не имели каких-то особых национальных причин, за исключением необходимости соблюдать верность союзу. Позже, во время самой войны, это отсутствие военных целей исключительно сильно затрудняло поиск дороги к миру, и это обстоятельство должно быть отмечено сейчас, поскольку оно оказало влияние на дальнейшее развитие событий.

Однако если в том, что разразилась война, и должен быть повинен какой-то отдельный человек, то этот человек - кайзер Вильгельм II. Он не был особенно плохим человеком, но его личные недостатки усугублялись занимаемым положением. Он не намечался

говорить и половины из того, что было им сказано; впоследствии он сожалел о множестве действий, совершенных им. Однако далеко не каждый понимал, что кайзер грозен в основном только лишь на словах. Его властность и самодовольство, а также подозрительность, ревность и высокомерие, его грозные речи и угрозы приводили к созданию очень напряженной обстановки на Европейском континенте и подталкивали другие государства на пути к вооружению и созданию военных союзов. Типичным примером поведения кайзера является заявление, сделанное им во время визита к королю Бельгии в 1904 году:

"Я сказал ему, что шутить со мной не надо. В случае европейской войны всякий, кто не со мной, будет против меня. Как солдат, я принадлежу к школе Фридриха Великого, к школе Наполеона. Подобно тому, как Семилетняя война началась с вторжения прусской армии в Саксонию, подобно тому, как Наполеон всегда и молниеносно предупреждал действия своих противников, так и я, в случае отказа Бельгии действовать на моей стороне, буду руководствоваться только соображениями стратегического плана"

Paul M. Kennedy [ed.] "The War Planes of the Great Powers", 1979

Даже если откинуть заблуждения о его собственном величии, убеждение кайзера в том, что Германии самим Богом даровано право стоять над всеми в Европе и право на то, что его канцлер Бюлов называл "место под солнцем", разделяло большинство представителей правящего слоя Пруссии. Имея самую большую армию в мире и динамично развивающуюся промышленную базу, Германия не хотела довольствоваться только доминирующим положением в Европе, и ее верхи совершили ошибку, испортив отношения со всеми сразу. В 1905 году своим вмешательством вдела Марокканского султаната, который тогда входил в сферу французских интересов, кайзер испортил отношения с Францией. В 1911 году во время Агадирского кризиса,^[8] когда в очередной попытке вмешаться во французские дела к берегам Марокко по его приказу была направлена канонерская лодка германских ВМС "Пантера", кайзер снова испортил отношения с Францией. В 1896 году он направил то, что впоследствии было названо "Телеграммой Крюгеру", - телеграмму президенту Трансваальской республики Паулю Крюгеру, в которой он поздравлял с отражением нападения отряда британских войск под командованием Джеймсона Рэйда и в случае войны с Великобританией обещал бурям поддержку Германии. Когда эта война началась, кайзер встал на сторону бургских республик, как, впрочем, и многие другие страны. И еще, несмотря на заявления Великобритании, что она считает это проявлением враждебности, кайзер наращивал и расширял свой ударный военно-морской флот. Подобные поступки, да еще сопровождаемые потоком угроз, не раз заставляли краснеть его политиков, а самого кайзера сделали постоянным источником беспокойства для остальной Европы.

Если Вильгельму II и было известно о вызываемом им беспокойстве, он не придавал этому значения, и хотя он время от времени калялся в своих поступках, никогда не приносил извинений. "Мы, Гогенцоллерны, являемся исполнителями воли Божьей", - говорил кайзер другим европейским монархам, и поскольку данное убеждение никогда не покидало его, то любое действие других стран, направленное на обеспечение своей безопасности от его ничем не прикрытых угроз, только подливало масло в огонь его безумия. Проблема заключалась в том, что даже те, кто считал кайзера фиглярком, вынуждены были считаться с тем, что Германия являлась крупнейшей и наиболее современно вооруженной державой Европы. Она представляла собой страну с населением в 66 миллионов человек, постоянно готовящуюся к войне крупную индустриальную державу, которая одновременно была и милитаристской, основу общества которой составляло прусское юнкерство.

В подобных обстоятельствах страны меньшего размера, например Франция, население которой составляло только 37 миллионов человек, просто вынуждены были искать союзников. В этой связи вполне разумным выглядело заключение каких-то двусторонних договоров, однако франко-русский договор рассматривался кайзером не как законный ответ на его провокационные заявления, но как попытка "окружить" Германию, как намеренная угроза ее безопасности. Немецкие генералы, которым принадлежала ведущая роль и в правительстве, и в обществе, по данному вопросу были согласны с кайзером. Они были убеждены, что Франция рано или поздно попытается вернуть Эльзас и Лотарингию, а в это время ее русские союзники нанесут немцам удар в спину. В 1912

году глава немецкого Генерального штаба (а фактически главнокомандующий армии) генерал Гельмут фон Мольтке заявил: "Война неизбежна, и чем раньше, тем лучше". Напряженность в отношениях росла, и перспектива войны становилась реальнее.

Убеждение кайзера, что против Германии готовится заговор, стало еще более прочным, после того как в 1904 году Францию с официальным визитом посетил его ненавистный дядюшка - король Великобритании Эдуард VII. Последний настолько очаровал Францию, что сразу же оказались рассеянными и несколько сотен лет франко-британского соперничества, и более свежий разлад, вызванный спором этих двух стран по поводу Фашоды в Судане. Результатом визита стали переговоры, которые привели к созданию в 1904 году пакта "Сердечное согласие" (*Entente cordiale*), или Антанты. Тремя годами позже, в 1907 году, министр иностранных дел Великобритании сэр Эдвард Грей договорился об англо-русском соглашении, которое положило конец длившейся десятилетиями полемике этих двух стран по вопросу об Индии. Фактически оба эти соглашения заключались с тем, чтобы разрешить спорные вопросы, связанные с расширением пределов Британской империи, и последняя при этом не становилась полноправным членом франко-русского союза. Однако кайзер отнесся к этим шагам с опасением, и они подтвердили его убеждение, что Германии угрожает "окружение".

Германские опасения стали еще сильнее в 1906 году, когда Франция и Великобритания начали "разговоры" по военным вопросам, в которых среди прочих тем обсуждалась и возможная английская помощь Франции в случае возникновения европейской войны. С британской стороны поводом для подобных переговоров стало декларированное кайзером намерение превратить военно-морской флот Германии в ударную силу, действующую по всему свету. Подобное намерение справедливо рассматривалось Великобританией как прямая угроза потерять позиции ведущей военно-морской державы мира.

Великобритания нуждалась в сильном военно-морском флоте для защиты своего громадного торгового флота и для обороны заморских территорий своей империи. У Германии же колоний было немного (что служило немцам еще одним поводом для зависти), стало быть, зачем бы кайзер стал усиливать свой флот, если не с целью бросить вызов королевским военно-морским силам? Эта тревожная догадка получила подтверждение, когда немцы стали расширять Кильский канал, с тем чтобы по нему можно было проводить самые большие германские дредноуты - новое поколение бронированных боевых кораблей, вооруженных крупнокалиберными орудиями, - из Балтийского моря в Северное. Англичане тут же стали модернизировать и усиливать свой флот, а также заключили соглашение с французами, по которому последние обеспечивали безопасность мореплавания в Средиземном море, а флот Великобритании обеспечивал безопасность французских морских портов в Ла-Манше. И вновь кайзер увидел в этом не ответную реакцию на свои действия, а еще одну ничем не спровоцированную угрозу Германии.

Великобритания тоже была озабочена поддержанием "баланса сил" в Европе, и в особенности в том, чтобы Бельгия соблюдала свой нейтралитет. Это положение обеспечивалось всеми ведущими европейскими державами: Францией, Пруссией, Австрией, Россией и Великобританией - в соответствии с Лондонским договором 1839 года. После 1871 года обязательство по соблюдению нейтралитета взяла на себя Германия, которая являлась правопреемницей Пруссии. Несомненно, существовали и другие причины, по которым Британия поддерживала Бельгию. Государства не настолько альтруисты, чтобы вести войны только в защиту каких-то принципов или ради обеспечения неприкосновенности территории других стран. Совершенно независимо от долга совести и чести, требовавшего соблюдения принципа нейтралитета Бельгии, Британия не могла позволить такому большому, враждебному и исповедующему захватническую политику государству завладеть портами на побережье Ла-Манша в непосредственной близости от английских берегов.

Поскольку существовала угроза нейтралитету Бельгии, вероятность подобного развития событий становилась высокой. В то время как заключались эти многообразные альянсы, Германия в конце XIX века разрабатывала такую стратегию военных действий, которая позволила бы ей справиться с проблемой "окружения". Подобная схема была разработана тогдашним главой имперского Генерального штаба Германии, генералом графом

Альфредом фон Шлиффеном. Шлиффен полагал, что в случае войны, а он считал войну неизбежной, Германии придется вести войну на два фронта: на западе против Франции, а на востоке - против России.

Его план строился исходя из того, что Германия имеет хорошо развитую сеть современных железнодорожных путей сообщения, и того факта, что развитая сеть внутренних коммуникаций обеспечивает ей стратегический перевес, благодаря которому она сможет бросить все свои ударные на Францию и победить ее *прежде*, чем дряхлеющая русская армия сможет мобилизоваться и прийти ей на помощь. После победы над Францией вся мощь армии Германии будет направлена против России, чтобы завоевать вторую победу. Этот план выглядел реальным, если учесть численность и подготовку германской армии, которая к 1914 году насчитывала 850 000 человек, и численность которой могла быть быстро увеличена за счет призыва резервистов, а также сеть железных дорог, которые покрывали Германию от Арденн до Одера.

План Шлиффена требовал, чтобы вся масса немецких войск была сконцентрирована на западе и на правом фланге, с тем чтобы вторгнуться в пределы Франции на ее северо-востоке, пройдя через Люксембург и Бельгию, а затем, оказавшись западнее Парижа, повернуть к своим рубежам, глубоко охватить французскую армию и прижать к ее собственным линиям обороны вдоль франко-германской границы. У французов был свой собственный план, отточенный План XVII, который предписывал сразу же после начала войны нанести удар в восточном направлении, нацелив его в глубину Германии и сосредоточив для этой цели все свои силы - все до последнего штыка, сабли и пушки. Однако действие плана Шлиффена было бы аналогично удару захлопывающейся двери, и его должна была получить в спину французская армия, устремившаяся к берегам Рейна. Помимо нарушения нейтралитета Бельгии, подобная стратегия потребовала бы от немецких частей большой скорости и высокой маневренности, и кроме того, у нее было два слабых места. Во-первых, необходимые для этой цели скорость и маневренность подразделений не могли обеспечиваться армиями 1914 года, движущимися походным порядком и использующими в основном конную тягу. Во-вторых, вторжение в Бельгию вовлечет в войну Великобританию со всеми ее колониями и доминионами.

План Шлиффена подвергался многократным доработкам, но его окончательный вариант был принят уже в 1905 году. Обсуждение французского Плана XVII будет проведено позже, однако именно план Шлиффена привел к началу войны, поскольку его положения требовали, чтобы Германия *первой* провела мобилизацию и нанесла удар и чтобы Франция была завоевана *в течение шести недель*, быстрее чем Россия сможет подготовиться к ведению боевых действий. В течение нескольких лет основные положения плана Шлиффена стали известны за границей, и в немалой степени после того, как Шлиффен опубликовал статью, в которой он критиковал своего преемника Мольтке за то, что тот позволил себе вольничать с планом, что главным образом нашло отражение в уменьшении количества сил, сосредотачиваемых на правом фланге. В 1912 году, когда он умирал, последними словами Шлиффена были: "Помните, нельзя ослаблять правый фланг".

После знакомства с тем хрупким равновесием, которое сложилось на западе и на востоке, самое время проследить за положением дел, складывавшемся в Австро-Венгрии - главном союзнике Германии в Европе. К началу XX столетия Австро-Венгерская империя начала потихоньку разрушаться, но хотя в ней и появились некоторые трещины, в целом это образование выглядело прочным. Исключение составляли вечно беспокойные Балканы, в особенности Сербия - независимое государство внутри австро-венгерской гегемонии на Балканах.

Помимо самой Сербии, проблему представляли этнические сербы, жившие в большом количестве в самой Австро-Венгерской монархии, в особенности в недавно присоединенных к ней Боснии и Герцеговине. Эти страны были аннексированы Австро-Венгрией в 1908 году. Этнические сербы хотели присоединить названные территории к Сербии, чтобы создать "Великую Сербию", и боролись за свою свободу, устраивая демонстрации и террористические акты внутри империи. Еще одним поводом для беспокойства было то, что царская Россия, которая всегда считала себя последовательным защитником интересов славян на Балканах, выдала Сербии гарантии поддержки последней в случае вторжения войск Австро-Венгерской империи. Какой бы

ни была причина, но если дело дойдет до вооруженного столкновения, Россия не останется в стороне.

Причина появилась 28 июня 1914 года, когда молодой боснийский серб студент Таврило Принцип сделал два выстрела в наследника австрийского престола, эрцгерцога Франца Фердинанда, который прибыл с официальным визитом в столицу Боснии город Сараево. Эти два выстрела убили эрцгерцога, его морганатическую супругу и развязали войну, в течение четырех лет которой нашли свою смерть 9 миллионов (а по некоторым источникам, 13 миллионов) человек. Подавляющее большинство их погибло вдали от полей сражений Западного фронта, но все равно, как только прозвучали эти два выстрела в Сараево, сразу же напряглась и начала свое смертоносное действие вся тесно переплетенная сеть континентальных пактов, договоров и союзов.

Кто-то утверждал, что если бы на следующий день после покушения Австро-Венгрия просто вторглась в Сербию, этот конфликт никогда бы не вышел за пределы Балкан. Однако должны были пройти недели, прежде чем начались военные действия, и в течение этих недель каждая сторона собирала своих союзников, тем самым расширяя театр будущих военных действий. Воображение рисует ряды замков на каком-то огромном, окованном железом сундуке; одна за другой поворачиваются защелки каждого замка с тем, чтобы спустить с цепи чудовище всеобщей войны. Вначале процесс шел медленно, но по мере того, как вспоминалось и вызывалось из небытия все больше и больше соглашений, пактов и "переговоров", он набирал скорость, и вот уже была объявлена мобилизация. На самом деле никто не хотел войны, а некоторые из более дальновидных государственных деятелей были в силах предугадать, насколько болезненным может быть европейский конфликт. Однако напряженность последних десятилетий вынуждала государства встать на тропу, ведущую непосредственно к полю боя. Правда, население этих государств приветствовало надвигающуюся войну. В Берлине и Париже, в Лондоне и Вене толпы людей высыпали на улицы, приветствуя первые походные колонны войск и подбадривая резервистов, спешивших в расположение своих военных частей.

Австро-Венгрия обозначила свое участие в этом процессе, направив Сербии ноту, содержащую требование немедленного расследования покушения и наказания виновных. Содержание ноты было изложено таким языком, который любое суверенное государство сочло бы недопустимым для переговоров. Собственно, в этом и заключалась конечная цель ноты - предъявить такие требования, которые Сербия обязательно сочтет для себя неприемлемыми, и таким образом обеспечить предлог для начала войны, в которой Австро-Венгрия сможет захватить Сербию и таким образом раз и навсегда покончить с очагами независимости, рождающимися на Балканах. Сербь, как и ожидалось, обратились за помощью к царю, и Россия без особого шума предупредила Австрию, что если та в своих требованиях зайдет слишком далеко, Россия будет защищать интересы Сербии. В свою очередь, эта угроза вынудила Австрию обратиться к своему могучему немецкому союзнику, и 5 июля, спустя неделю после покушения, Германия уверила Австрию в своей "твердой поддержке" в случае войны; другими словами, это был "карт-бланш" на любую помощь, если Австрия окажется втянутой в войну с Россией.

Получив подобную поддержку, Австро-Венгрия 23 июля предъявила свой последний ультиматум Сербии, содержащий указание покончить с движением, добивающимся независимости для австрийских сербов, и требование допустить австрийских официальных лиц для контроля за ходом расследования убийства эрцгерцога. Даже по мнению кайзера Вильгельма II, ответ Сербии был выдержан в настолько мирных тонах, что он "не оставлял никакого повода для войны", и после этого германский император отправился на своей яхте "Гогенцоллерн" в свой ежегодный круиз по Северному морю. Император был уверен, что оставляет за кормой мирную Европу. Однако он поторопился. 26 июля австрийцы заявили, что не удовлетворены ответом Сербии. 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии и направила корабли по Дунаю с приказом подвергнуть Белград артиллерийскому обстрелу.

В тот же день Россия сделала следующий шаг навстречу войне, отдав приказ о мобилизации в военных округах на своей южной границе, которая тогда была у нее общей с Австро-Венгрией. Приказ о мобилизации встревожил и одновременно привел в движение Генеральный штаб Германии, вся стратегия которого строилась на

предположении, что, пока Россия будет проводить мобилизацию своих сил, у немцев хватит времени разбить Францию. Для успешного выполнения положений плана Шлиффена русским нельзя давать время на мобилизацию. А тем временем Австрия провела мобилизацию своих сил на русской границе, а 31 июля она и Россия одновременно объявили о всеобщей мобилизации. В этот день в потасовку ввязалась Германия. Кайзер поспешил вернуться из своего плавания, и германское правительство, уставив глаза на часы и календарь, потребовало от России прекратить подготовку к войне и в течение двенадцати часов объявить о демобилизации резервистов. Русские на этот ультиматум просто не обратили внимания. Поэтому 1 августа Германия объявила всеобщую мобилизацию, имея намерение в 17 часов 00 минут того же дня объявить России войну и ввести план Шлиффена.

И в этот момент кайзер заколебался. Он знал, что, стоит ему объявить войну России, Франция нанесет удар по западным границам Германии. План XVII, французский план нападения на Германию, требовал, чтобы по немецкой границе был нанесен концентрический удар всеми силами французской армии. Франко-русский договор и собственные интересы Франции вынуждали ее следовать этой стратегии. Поэтому, если война начнется, перед кайзером встанет необходимость вести ее на два фронта, а это наиболее нежелательный результат "окружения".

Однако из этой ситуации еще был выход. В своей телеграмме из Лондона германский посол в Великобритании сообщал, что британский министр иностранных дел сэр Эдвард Грей предлагал свое посредничество при решении балканского спора и в вопросе удержания Франции от участия в войне, во всяком случае это так выглядело. Часы проходили, а германское правительство все пыталось выяснить, что же на самом деле предлагал сэр Эдвард, и генерал Мольтке мерил шагами свой кабинет, ожидая приказа ввести в действие план Шлиффена.

Хватаясь за любую возможность избежать той войны, для которой он сделал так много, кайзер Вильгельм приказал Мольтке, что, коль скоро британцы смогут удержать французов от боевых действий, Германия должна обрушить всю свою мощь на Россию. "Все, что нам нужно сделать, - говорил он главе Генерального штаба своей армии, - это направить все наши силы против России". Мольтке был поражен, и он с ходу отверг подобное предложение. "Это невозможно, - прямо сказал он кайзеру. - Нельзя допускать, чтобы мы в течение нескольких часов отказались от плана, который разрабатывался, а затем оттачивался на маневрах в течение многих лет. Если мы поступим так, как этого требуете вы, Ваше Величество, мы сможем выставить против России не более чем вооруженную толпу".

Генерал фон Мольтке говорил не всю правду. Используя свои внутренние коммуникации и густую сеть первоклассных железных дорог, Германия могла бы перебросить свои армии на восток. Однако план Шлиффена предписывал считать Францию основным противником, и он же предписывал занять жизненно важные узловые железнодорожные станции в Люксембурге через несколько часов после объявления войны. Мольтке умолял кайзера дать разрешение на начало боевых действий, однако Вильгельм ни за что не хотел расставаться с любыми остатками надежды на мирное разрешение конфликта. Часы шли, и Европа ждала, затаив дыхание.

Наконец телеграмма, поступившая в 23 часа 1 августа, позволила установить точно, что предлагал сэр Эдвард Грей. Выяснилось, что министр иностранных дел предлагал сохранение Францией нейтралитета в течение того времени, которое потребуется на разрешение конфликта между Австрией и Сербией, при условии, если Германия пообещает не вступать в войну *ни с Францией, ни с Россией*. Однако было уже слишком поздно. Русские уже проводили мобилизацию, и они отказывались остановить ее. Прежде чем передать телеграмму Мольтке, кайзер прочитал ее несколько раз. Затем со словами: "Теперь вы можете делать, что пожелаете", - он вышел из кабинета. Мольтке снял телефонную трубку, и в течение нескольких минут в части были направлены телеграммы, предписывающие германской армии выступить к границам с Люксембургом и Бельгией, и войска отправились в поход. Мир в Европе стал распадаться со всевозрастающей скоростью.

В субботу 1 августа Германия объявила войну России, и Бельгия провела мобилизацию своей армии. В ту же субботу в 8 часов утра командующий французской армией генерал

Жоффри прибыл к министру вооруженных сил Франции с просьбой разрешить всеобщую мобилизацию французских резервистов, начиная с полночи этого дня. В 15 часов 30 минут был выпущен приказ "О всеобщей мобилизации", и в 16 часов 00 минут он был направлен во все почтовые отделения Франции. Франция также ответила на телеграмму, которую Великобритания направила ей и Германии, спрашивая, будут ли эти страны соблюдать нейтралитет Бельгии в случае начала военных действий. Франция ответила на этот вопрос утвердительно; зная, что к этому времени ее авангардные части не только будут в Люксембурге, но уже подойдут к бельгийской границе или начнут переходить ее, Германия уклонилась от ответа.

К этому времени Великобритания еще не заявляла о своих намерениях, и французы с нетерпением ожидали каких-либо свидетельств верности британцев своим обязательствам. Они верили или, вернее, предпочитали верить, что те "военные" переговоры между официальными лицами обеих стран будут сведены к твердому обещанию Великобритании непосредственно перед началом войны развернуть на левом фланге французской обороны британский экспедиционный корпус численностью 160 000 человек. Великобритания имела *намерение* сделать это, однако она не давала никаких *обязательств* поступить подобным образом, тем не менее французы были большими мастерами выдавать желаемое за действительное и растягивать границы любого соглашения настолько, насколько их только можно растянуть, и даже дальше. В течение следующих нескольких лет они еще не раз продемонстрируют эту свою способность.

В воскресенье 2 августа посол Германии в Брюсселе фон Белов-Залеске представил бельгийскому правительству ультиматум, который требовал, чтобы германской армии был обеспечен беспрепятственный проход через территорию Бельгии. В понедельник Бельгия отвергла этот ультиматум, заявив, что она будет защищать от любого агрессора каждую пядь своей земли. Теперь все глаза смотрели в сторону Великобритании, которая все еще размышляла над своими следующими шагами, правда, теперь испытывая значительное давление со стороны как Франции, так и Германии. Первая хотела, чтобы Англия вступила в войну на стороне Франции. Германия хотела, чтобы Англия оставалась нейтральной, и заявила, что не станет ввязываться в конфликт на континенте из-за "клочка бумаги" - такое название получил у немецкой стороны договор, который гарантировал нейтралитет Бельгии.

Великобритания уже дала свои заверения Франции в том, что ее военно-морской флот защитит от агрессии и морские перевозки последней, и ее порты в проливе Ла-Манш. Однако французы хотели *немедленного* развертывания Британских экспедиционных сил (БЭС), а когда оказалось, что войска не придут, они стали жаловаться на британское коварство. Однако для престижа Британии гораздо более важным был вопрос о сохранении нейтралитета Бельгии, гарантом которого были также Франция и Германия. Король бельгийцев Альберт I обратился к королю Великобритании Георгу V с призывом оказать помощь в случае германского вторжения, и сэр Эдвард Грей заявил недвусмысленно: "Сохранение нейтралитета Бельгии может оказаться самым важным фактором при выборе нашей позиции", давая понять германскому послу, что его страна не может рассчитывать, что Великобритания останется в стороне "при любых обстоятельствах" - откровенный намек на то, что действия немцев в отношении Бельгии будут иметь решающее значение. Однако в тот момент Грей не вел речь о каком-либо движении войск армии Великобритании в направлении Франции.

Отказываясь поддержать немедленную отправку БЭС, сэр Эдвард просто ставил во главу угла то обстоятельство, что многие в Великобритании, и в правительстве в том числе, не видели причин, из-за которых их страна должна быть вовлечена в войну на континенте, когда нет прямой угрозы ее интересам. Французы решили считать подобную политику коварной; однако множество англичан рассматривали ее как проявление здравого смысла. На повестке дня оставался вопрос Бельгии, поскольку все, что произойдет там, будет иметь решающее значение.

3 августа, в день, когда Бельгия отвергла германский ультиматум, Германия объявила войну Франции. На следующий день Германия известила бельгийское правительство, что ее войска пройдут походным порядком через Бельгию, применяя в случае необходимости силу. Германская сторона утверждала, что это необходимо для выполнения миссии, важной для обеспечения безопасности германского государства, и далее она делала

ложное заявление, что войска Франции еще раньше нарушили нейтралитет Бельгии, а ее самолеты бомбили немецкие города. Фактически же к тому времени германское вторжение в Бельгию уже началось, и через несколько часов немецкие солдаты расстреливали гражданское население Бельгии за то, что оно якобы препятствует их продвижению через страну. В силу этого обстоятельства правительство Великобритании объявило всеобщую мобилизацию, и после того, как были призваны все резервисты, оно послало ультиматум Германии, требуя гарантий, что последняя будет уважать нейтралитет Бельгии. Германия отказалась дать такие гарантии, и в соответствии с этим в 23 часа 00 минут 4 августа 1914 года Великобритания объявила войну Германии.

В полдень 4 августа Герберт Асквит, тогдашний премьер-министр правительства Великобритании, в беседе с послом США У. Х. Пейджем так объяснял причины, по которым Англия вступала в войну:

"Нейтралитет Бельгии подтверждается договором. Германия является государством, подписавшим этот документ, и именно на подобных соглашениях и покоится здание нашей цивилизации. Если мы отбросим их или допустим, чтобы они нарушались, что останется от цивилизации? Именно наличием таких торжественных обязательств и соглашений организованное общество и отличается от невежественного сброда. На сегодняшний день Германия нарушила нейтралитет Бельгии. Это - вероломство. Это - конец независимости Бельгии, но Бельгией все не кончится. Следующей будет Голландия, за Голландией Дания. Этим самым утром шведский премьер-министр известил меня, что Германия приступила к переговорам со Швецией, чтобы та перешла на сторону Германии. Таким образом, весь план ясен: одна большая военная держава намерена захватить Бельгию, Голландию, Скандинавские государства, а также поработить Францию.

Великобритания навсегда потеряет уважение к себе, если она будет только сидеть и смотреть, как нарушается этот договор, и она растеряет все свои позиции, если таким путем Германии будет разрешено занять доминирующее положение в Европе. Если позиция Германии в отношении нейтралитета Бельгии не изменится, Великобритания объявит ей войну".

"Я ушел от него, - скажет позже посол США, - потрясенный предчувствием неминуемой гибели половины мира".